

## Пѣсни \*) и Прибаутки.

(Записанныя Г. Н. Потанинымъ въ деревнѣ Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска).

Я поѣду во торги,  
Куплю себѣ гребешки,  
Расчешу кудри, виски,  
Погляжу на волоски.  
Родимая моя мать  
Девять сыновъ родила,  
Десятую дочерину,  
Зовуть её Катерина.  
Спустило сухоту  
По моему животу,  
Разстѣяло печаль  
По моимъ яснымъ очамъ.  
Я по саду ходила,  
Съ по зеленомъ гуляла,  
Сладки ягодки щипала,  
На золото блюдо вляла;  
На серебряный подносъ.  
Милу дружку подносила,  
Его потчивала.  
Милый яблочъ не при(ни)маеть  
Ничего не говорить,  
Ужъ я топнула ногой,  
Покачнула головой,  
Сама зъ садика долой,  
Оставайся, чортъ съ тобой,  
Не куражься надо мной.  
Есть и лучше тебя,  
Есть и вѣжливѣе—  
Со лица крототы,  
По походкѣ молодець,  
По одеждѣ-то купецъ.  
Поѣхалъ парень изъ Казани,  
Полтараста рублей сани,  
Пяьдесятъ рублей дуга—  
Парню дѣвка не слуга.

Посѣю я, млада, младенька,  
Цвѣтиковъ маленько,  
Я на тѣ цвѣты взирала,  
Сердцемъ обмирала.  
Обмирай, мое сердечко,  
Съ по миломъ дружечкѣ.  
Слышу, вижу, самъ я догадался,  
Что любишь иного.  
Люби, люби, моя черноброва,  
Люби, кого хочешь.  
Я теперъ тобой, душа, доволенъ,  
Гулять съ тобой полно.  
Полно, полно, право не хочу я,  
Съ кѣмъ гуляю, не скажу.  
У дѣвицы было во свѣтлицѣ  
Покуть разны птицы,  
Онѣ покуть, воспѣвають  
Разнымъ голосами,  
Одна пташка, птичка канарейка  
Голосомъ вольненько.  
Кабы знала я этотъ голосочекъ,  
Списанный листоцекъ  
На такой на тоненькй листоцекъ  
На бѣлу гумажку,  
Отослала этотъ голосочекъ  
Въ Сибирь городочекъ,  
Славную контору.  
Къ Алѣшѣ Попову.  
Алеша Поповичъ  
Самъ гораздъ писать  
Онъ гораздъ, гораздъ письмо писати,  
Указы читати,  
Указы-то читати.  
Назадъ отсылати.

\*) Приложение къ статьѣ Г. Н. Потанина, «Этнографическія замѣтки. На пути отъ г. Никольска до Тотмы, напечатанной въ I и II кн. Ж. Ст. за нынѣшній годъ.

Жили были двѣ названныя кумы,  
 Что названныя кумушки;  
 Онѣ стали о Васильѣ тосковать:  
 Ужь намъ во вѣки Василья не видать,  
 Во глаза его не видывать,  
 Голосу его не слыхивати.  
 Часть теперича Васильюшка прошель,  
 Въ темноть лѣсъ хороводъ дѣвокъ нашель,  
 На желтыхъ пескахъ Макарывскихъ,  
 Калены стрѣлы насаживалъ,  
 Ко-су лѣсу приговаривалъ.  
 Ты лети, лети, каленая стрѣла,  
 Выше лѣса, выше темненькаго,  
 Выше садику зелененькаго.  
 Обратись, моя каленая стрѣла,  
 Внизъ по морю, по Волгѣ рѣкъ,  
 Ты убей, убей, каленая стрѣла,  
 Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкъ,  
 Сиза голубя на каменной стѣвѣ,  
 Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ,  
 Красна дѣвица невѣста моя—  
 Сизой голубь—ѣтъ утѣха моя.

Мужикъ нашеньку пахаль,  
 Онъ на солнышко глядѣль.  
 Я еще понашу,  
 Я на солнце погляжу.  
 Какъ людскія-то жены  
 Мужу завтракать несутъ,  
 Какъ моя курва жена  
 Ни несетъ, ни везетъ,  
 Ни съ подружкамъ ни пошлетъ.  
 Ужь я выпрягу лошадку,  
 Я заѣду во лѣсокъ,  
 Вырублю вязокъ  
 На свою курву жену.  
 Я прѣхаль ко двору—  
 Жена ходять по двору,  
 Сама басеньканъ,  
 Сама снаряженъкая,  
 Она въ ситцевомъ передничкѣ  
 Въ шелковомъ поноскѣ.  
 Она ходигъ по двору.  
 Тпру-ка, стой! подою,  
 Мужу ѣсть увесу.

Кто-то ходить умный,  
 Кто-то ходить разумный,  
 По горенкѣ ходить.  
 Косицы наводить.  
 Зеркальце смотрися,  
 Самъ себѣ дивися,

Экой я хорошій,  
 Экой я пригожій,  
 Хорошъ нарядачяся,  
 Пригожь уродиляся.  
 На коня садиляся,  
 Конь подъ нимъ бодриляся,  
 Плеточкой-то машеть,  
 Конь-то подъ нимъ пляшетъ.  
 Къ садику подѣвзаетъ,  
 Садикъ зеленѣеть,  
 Дѣвица веселѣеть.

Къ этой пѣснѣ припѣвъ: бай говори, гулли  
 голова!

Ходила Марьяшенька  
 Брала, брала ягодку земляничку,  
 Уколола ноженку о шпичку,  
 Болитъ, болитъ ноженъка да не больно,  
 Любить, любить миленькій да спокинеть,  
 Спокинеть мой миленькій не надолго,  
 Не надолго времянко на часоцець,  
 Споказався мнѣ часоцець за денцець,  
 Споказався мнѣ денцець за недѣлку,  
 Показалась недѣлка за младъ мѣсяць,  
 Показался младъ мѣсяць за годоцець.  
 Уѣхаль мой миленькій въ городоцець,  
 Пишетъ, пишеть мой миленькій ко мнѣ  
 письма,  
 Письма - вѣсть не радостну, тяжелую.  
 Пошлю, пошлю служеньку молодую,  
 Пойду, пойду къ тятенькѣ отпрощуся,  
 Родимой маменькѣ доложуся  
 Зеленяя рощицы \*) посмотриги.  
 Зимовья олимп поглядѣги.  
 Пригодится эта роца намъ на свадьбу,  
 Будемъ мы вѣдь Оленьку выдавать.

Растворила ницево  
 Поставила на цѣло,  
 Три недѣлюшки цѣло,  
 На четвертую недѣлю  
 Стала мяконьки катать,  
 Она по полу катала,  
 По подлавицѣ валяла,  
 На порогѣ растрепала  
 На печь въ уголь посадила,  
 Три лопаты изломилла,  
 Коцаргавиной нагребла,  
 Всѣ ковалки прижгала,

\*) Роца — солодь.

Неудачно пекла.  
 Она склала въ коробокъ,  
 Повкала на рынокъ.  
 Становилась во рядокъ,  
 Во саменькій уголокъ.  
 Тутъ и шель, прошелъ купецъ,  
 Алексѣй-отъ молодець,  
 Онъ купить, не купишь,  
 Только цѣну наломилъ.  
 Долгорылая свинья  
 Коровашекъ унесла.  
 Она естоль не наѣла,  
 Только рыло обмарала,  
 Три недѣлюшки хворала,  
 На четвертую пропала.  
 Это Гришкѣ да Мишкѣ  
 Могила копать,  
 Пону то Семену  
 Свинья отпѣвать.  
 Была сивая кобыла,  
 По семи ведеръ доила,  
 Въ полѣ хвостъ завязила,  
 Жеребешочекъ допшакъ,  
 Уволокъ его лѣшакъ.

Еще ѣхала кума  
 Мимо кумова двора,  
 Сучнилася бѣда  
 Изломалася дуга,  
 Изорвалася гужи,  
 Гужи шелковые,  
 Полу шелковые.  
 Это мой-отъ мужъ дуракъ  
 За охотою пошелъ,  
 Перенелышекъ нашель.  
 Иловилъ лунка,  
 Лушка сизенькаго,  
 Сизокрыленькаго.  
 Ты, присядь, присядь, лунокъ,  
 Присядь, сизый голубокъ.  
 Сядь по-малешеньку,  
 Сядь по тихошеньку,  
 На ту сторону глядя,  
 На другую посмотри.  
 Еще то крыло оправь  
 И другое прио правь,  
 Ты спашни-ка, полети,  
 Кого надо, уволн  
 Стань на перстицки,  
 Поцѣлю крестницки.

Во селѣ было въ селѣ,  
 Во присельникѣ селѣ

Молодка была молоденькая,  
 Не величка и статна,  
 Всѣмъ манерамъ хороша,  
 Умстливая,  
 Прелестливая.  
 Еще позвали молодку  
 Во пиръ пировать,  
 Въ бесѣду сидѣть,  
 Во смиренную.  
 Во бесѣдѣ не сидѣла,  
 Во пирѣ не пировала,  
 Въ садѣ пробыла,  
 Съ миленькимъ одна.  
 Еще мужъ-отъ искадался,  
 Шо новымъ свѣнямъ бросался,  
 Все искалъ жены,  
 Её молодю:  
 Скажите-ка, друзья,  
 Куда уѣхала жена?  
 Намъ на весело Симоновско.  
 Во дорожкѣ не согналъ,  
 Во гостяхъ шельма засталъ  
 Не сталъ говорить,  
 При людяхъ стражить.  
 Ты прибуди, жена, домою,  
 Я управлюся съ тобой  
 Волею своею.  
 Пришла въ лѣсѣ все кунница,  
 Дома-то лисница  
 Завсе весела.

Было у вдовушки семь дочерей  
 Варды, вары, варды,  
 Первая дочка Александрюшка,  
 Другая дочка Аринушка,  
 Третья дочка Марфушка,  
 Четвертая дочка Александрюшка,  
 Пятая дочка Палагеюшка,  
 Шестая дочка Катеринушка,  
 Сѣмая дочка Крестинушка.  
 Тоненькій высокій то Олимпъ \*) женишокъ,  
 Сутулый горбатый то Арининъ женишокъ,  
 Толста голова то Мирфинъ женишокъ,  
 Шпрока борода то Олимпъ женишокъ,  
 Узенька борода Палагеинъ женишокъ,  
 Косой, разноглазый Катерининъ женишокъ,  
 Бѣлый кудреватый Крестининъ женишокъ.  
 Тоненькій, высокій озароды метать,  
 Сутулый, горбатый озароды подпирать,

\*) Здѣсь уменьшительное отъ Александра не Саша, а Оля. Названія дочерей въ этой пѣснѣ дѣвицы. пѣвшія её мнѣ. вставила свои собственныя.

Толста голова трубу затыкать,  
Широка борода потолокъ обметать,  
Узенька бородака сметанку лизать,  
Косой разноглазый овинны зажигать,  
Бѣлый, кудреватый головку чесать.

Погуляла въ лѣсъ чечотка,  
Погуляла въ лѣсъ лебедка,  
Какъ на барскомъ на дворѣ.  
Нажила себѣ чечотка,  
Нажила себѣ лебедка  
Ровно семь дочерей.  
Дарью да Марью,  
Федосью, Анисью,  
Степаниду съ Ломанидой  
Семью Катерину,  
Душу Катеньку,  
Душу хорошую.  
Ты помилуй, сударь барнинъ,  
Моихъ семь дочерей  
Дарью да Марью,  
Федосью, Аносью,  
Степаниду съ Ломанидой,  
Семью Катерину,  
Душу Катеньку,  
Душу хорошую.  
Погуляла въ лѣсъ чечотка,  
Погуляла въ лѣсъ лебедка.  
Какъ на барскомъ на дворѣ  
Нажила себѣ чечотка,  
Нажила себѣ лебедка  
Ровно семь сыновей.  
Степана, Романа,  
Клементья, Крементья,  
Евстигнея, Досифея,  
Семаго Алексѣя,  
Душу Алешеньку,  
Душу, хорошаго.  
Ты помилуй, сударь баринъ,  
Моихъ семь зятевей.  
Погуляла въ лѣсъ чечотка,  
Погуляла въ лѣсъ лебедка,  
Какъ на барскомъ на дворѣ.  
Нажила себѣ чечотка,  
Нажила себѣ лебедка,  
Ровно двадцать внучатковъ.  
Два стойня, два лёжня,  
Два поползня,  
Два у лавочки стоятъ,  
Два учиться хотятъ,  
Двѣ Агашки у кашки питаются,  
Двѣ Варюшки ко краюшкѣ подвигаются,  
Два Петра у ведра буздыряются,  
Два Степана у сметаны облизываются.

Дѣвица прилучница была,  
Прилучу парня ко бѣлому лицу,  
Ко бѣлу лицу, ко чернымъ бровямъ,  
Брови черныя, черные глаза,  
Русы кудри накладные волоса,  
Кудри самого конца.  
Уведуть дружка, во солдаты молодца;  
Во солдатухахъ жить не очень хороша.  
Что сухарь, вода—солдатская ѣда.  
Одна дочь у батюшки жила,  
Три я годыца жила,  
Три горя нажила.  
Первое горе вышла замужъ малода,  
Второе вышла всѣмъ я не мила,  
Третье горе мужъ удала голова.  
Ужъ не держится ни дому, ни двора,  
Только держится чужой стороны,  
Чужемужней жены.

Тараканъ-ли, тараканъ,  
Тараканъ дрова рубилъ,  
Комаръ по воду ходилъ,  
Въ грязи ногу завязилъ,  
Мушка банюшку топила,  
Гнида щелокъ щелочила,  
Блошка парилася,  
Съ полку ударилася,  
Не нарочкомъ, своимъ бокомъ,  
Ребро проломла.  
Блошка мошку подымала,  
Животъ, сердце надорвала.  
Ужъ какъ наша попадья  
Зарождала воробья,  
Совсѣмъ воробей,  
Совсѣмъ молодой,  
Остроносенькій, долгоносенькій,  
По подъ гребницей красная дѣвица.  
Повели воробья  
Во боярскій дворъ,  
Къ воеводѣ въ домъ.  
Воевода, сынъ господскій,  
Не сѣки его кнутомъ,  
Обстриги его кругомъ,  
При дорожкѣ, при долинкѣ стой.  
Кто нейдетъ, нейдетъ  
Назоветь его попомъ.  
Ужъ ты, батюшка попокъ.  
Зачѣмъ служиши безъ портокъ.  
Я не ѣздилъ во полки,  
Не завелъ себѣ портки,  
Портки строченныя,  
Позолоченныя.

Не комаръ-отъ на мухѣ женился,  
Прилетѣлъ слѣпень, расхулилъ.  
Это что-то у васъ за свадьба,  
Это что-то у васъ за невѣста,  
Только, только твоя невѣста  
По врынкамъ-то летати  
Густую сметанку лязати  
Тебя, комара, пропятати.  
Полетѣлъ комарище на дубище,

Дубище раскачалось.  
Комарище-то раздремалось.  
Упалъ комарище въ коренище,  
Прилетѣли двѣ мухи горюхи,  
Повалили комара на носилки,  
Понесли комара ва большую дорогу.  
Пусти, вдовушка, постояти,  
Темну ноценьку поцевати.

Благослови, мати, Ерша читати. Пошелъ Ершишка въ Ростовское озеро мелкую щетинку вставлятъ, хрушкую рыбу колоты; пошла рыба на Ерша просить. Пошелъ Окунь къ Раку рыбѣ тягаться. Отчего у тебя, Окунь, щелья красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре ведѣли, мы были при ономъ дѣлѣ и щелья опалили; и пошла Сорога къ Раку-рыбѣ тягаться. Отчего, говорить, у тебя, Сорога, глаза красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре ведѣли, и мы были при томъ дѣлѣ, глаза опалили. Стали собираться, ерша ловить. Пришелъ неводисъ, закинулъ неводъ, пришелъ Миня Ерша вынялъ, пришелъ Нестерь, привезъ пестерь, пришелъ Илья, наносилъ дровъ гнилья, пришелъ Алексѣй, воды наносилъ, пришла Марія \*), Ерша сварила, пришелъ Андрюша, Ерша разрушалъ, пришелъ Федосей, Ерша на тарелкахъ разносилъ, пришелъ Петруша, Ерша покушалъ, пришла Акуля, однѣ кости сдула, пришла Ненила, голосомъ завыла. Экая ты, Акуля, скверная, подла. Ахъ, Акуля; были у тебя копейки да гроши, очутились однѣ вши. Это вши не вшички; тѣ вши, которыя съ бурлака валились, съ собакамъ дрались, не поддавались, то вши.  
(Запис. въ дер. Аксентьевой).

Нонѣшняго лѣта пришли новые завѣты, прибѣжалъ съ почты молодой кулъерь, привезъ новые завѣты. Правда померла, кривда ожила, ложь съ бодожкомъ ушла. Писано, приписано отъ дядюшки Борисова, писано не Романомъ, все безъ обману. Пришелъ дядюшка Власъ, кабы мнѣ на это время даясь такая власть да стадо овецъ, я бы сталъ надъ нимъ духовный отецъ, причастилъ бы, исповѣдалъ и въ кучку склалъ. Сдѣлалъ бы колеса, поѣхалъ на вебѣса. На вебѣсахъ все не по нашему: церква галашаная, двери кишешныя. Кишечку перехватилъ и въ церкву ускочилъ. Въ церкви-то все не по нашему: боги глиняные, плѣшь деревянная; чвкнулъ по плѣши, толоконецъ съѣлъ, сталъ крошечки собирать, попа Зѣворота поминать. Попъ Зѣворотъ, не ходи мимо моихъ воротъ—и тебя съѣмъ.

Какъ было въ 66 году, садился самъ сатана на стулъ и головой тряхнулъ:

- Господинъ есаулъ!
- Чего, сударь, угодно?
- Зри вѣрнай, вѣтъ ли гдѣ пенья, коренья, мелкихъ мѣсть, чтобъ намъ, добрымъ молодцамъ, на мель не сѣсть, легку шляпку не потопить.
- Сударь, вижу!
- Что ты видишь?
- Влвзь берегу колоду.
- Вотъ еще нашелъ чертову воеводу.
- Зри вѣрнай!
- Сударь, вижу!

\*) Въ здѣшнемъ краѣ произносятъ Марія съ удареніемъ на і, и иногда превращаютъ это имя въ Марійка.

- Что ты видишь?
- Вдльз берега село.
- Сходи въ это село, рады ли намъ?
- Рады, рады, какъ чертямъ.
- Такъ, говори, какъ милымъ дружествамъ. Зри вѣрня!
- Сударь, вижу
- Что ты видишь?
- Вдльз берега корабли.
- Что на кораблѣ?
- Пушки.
- Вотъ еще нашель свиный тушки. Возьми-ка эти тушки, такъ пригодятся нашимъ гребцамъ кашу сварить.

- Пантюшка малый!
- Чего угодно, баринъ старый?
- Неси водки алой.
- Гдѣ бы я про тебя взялъ?
- Въ подвалѣ взапертѣ.
- Кто про тебя поставилъ?
- Да въ другомъ.
- Да я бѣжалъ кругомъ, да не видѣлъ ничего.
- Пантюшка малый!
- Чего угодно баринъ старый!
- Гдѣ ты сегодня почевалъ?
- Въ твоей новой купленной деревнѣ подь овинномъ.
- Кабы овинъ-то загорѣлся?
- Я бы вышелъ да погрѣлся.
- Пантюшка малый!
- Чего угодно, баринъ старый!
- Появля-ли ты сегодня коня-то.
- Поидь.
- Да отчего у него губа-то суха.
- Отъ того губа суха, что пролубъ высока.
- Да ты могъ пролубъ-то и подрубить.
- Я и то, сударь, четыре ноги по колѣно отсѣкъ.
- Ахъ ты, сукиннъ сынъ, коня то доведь \*)!
- Нѣтъ не доведь; онъ лежитъ на спинкѣ и ножкамъ потягиваетъ.
- Пантюшка малый!
- Чего угодно, баринъ старый?
- Былъ ли ты сегодня у моихъ работничковъ?
- Былъ.
- Какъ-во они робятъ?
- Семеро однимъ топоромъ.
- Какъ они семеро однимъ топоромъ рубить.
- Одинъ рубить, двое кловить, четверо глядятъ, куда щепочки летять.
- Не пропали денежки! Сдѣлали они про меня домъ.
- Сдѣлали.
- Какъ-въ?
- Хорошь.
- Сколь хорошь!
- Три двора, одна труба. Въ подворотню дымъ идетъ. Сажу помы напардей верчену.

\*) Довести по здѣшнему извѣсть, испортить.

— Сдѣлали они про меня дворецъ?

— Сдѣлали.

— Каковъ?

— Хорошъ.

— Какъ хорошъ?

— Три кола вбиты и корытожь покрыты.

— Хорошъ. Каковы у нихъ хлѣба-то были?

— Хороши.

— Какъ хороши?

— Какъ вологка отъ волотки отсель да до слободки, колось отъ колосу не услышишь человѣческаго голоса, суслонъ отъ суслона отсель да до Рослова.

— Куды же они этотъ хлѣбецъ дѣвали?

— У нихъ староста не глупъ, кладъ-то складъ на пецной столбъ, переходила вошка съ бруса на брусъ и спихнула кладъ въ лахань. Онъ взялъ которое сухое-то собралъ, а сырое-то на ложкѣ растегъ, да въ ковшѣ развелъ, 88 бочекъ вина навелъ.

— Ахъ, братцы! ахъ, братцы!

— Съ волкомъ двадцать.

— Не пора ли намъ по за гумнами пройти, свиной посмотреть.

---

Есть у мужика свинья, невольню хвора. Со двора въ полюсу въ овесь убрала. У свиньи зубы рѣдки, хватаетъ однѣ вѣтки, хозяйина вовсе не раззоряетъ, солонку тутъ оставляетъ, и набла свинья брюхо, приложила ухо. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ свинку за вологу щетинку повалилъ её на крутую спинку. Стой волкъ, не ѣшь мяса! Я те послѣдняя свинья волку ѣда! Я те за утро стадо поросятъ приведу. Итъ, врешь, свинья, деревенска лухманка. Хоть и часто мигаешь, меня волка не обманешь; я те за кустокъ уволоку, и твои кишечки по луку растяну, твоихъ родителейъ помяну, Гришку и Мишку и Луку съ Петромъ, дѣдушку Трифона, бабушку въ три . . . . . , За то её въ три, чтобы помнила дни, да не забывала Святки и Масляницу.

---

Какъ было въ городѣ въ Устюгѣ, разодрались Настюха съ Настюхой; у ихъ пошла стрѣльба, пальба кочерная, онѣ никого не убили, не обранили, только солонницу съ полицы въ плонъ взяли. Какъ у Троицы нодъ горою сидитъ старикъ съ бородою—корочки на салѣ, а въ соредочкѣ кошечки . . . . . , а намъ звонили, киселя горшокъ съ прѣснымъ молокомъ, шертобитско брюхо радуется, а теперечи догадались по пазушкамъ разодрались, щи горюны подъ шестокомъ ушли.

---

На Вахмѣ прежде какіе были шалики, а какъ теперь просвѣтились. Вятчане тоже. Толокно въ прорубѣ замѣсить хотѣли. Новину чистили два брата, одинъ-то сидѣлъ по срединѣ, день былъ жаркой. Ель упали на него. «Вахм! какъ мени охолонуло! Садись ка на мое мѣсто». Таварищъ сѣлъ, а тотъ началъ ронить ель прямо на него; упала ель и зажала его тутъ. «Вахм! охолонуло-ли тебя!» спрашиваетъ, а тотъ ужъ молчитъ.

Сообщ. Гр. Н. Потанинъ.